

УДК 322

Роман Лункин

ИСЛАМ СРЕДИ КРЫМСКИХ ТАТАР: ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

***Аннотация.** В статье анализируется культурная и общественно-политическая роль ислама и религиозная политика властей в Крыму после 2014 г. на фоне российско-украинского кризиса. Статья основана на полевых социологических исследованиях религиозной жизни, которые автор проводил в Крыму в 2016 г. Экспертные опросы базируются на социально-антропологическом подходе и использовании метода развёрнутых интервью с респондентами. Автор делает вывод, что после 2014 г. начался новый этап развития ислама, мусульманского мировоззрения и борьбы за национальное самоопределение крымских татар на полуострове, связанный как с поисками новой самоидентификации «крымского» ислама, так и с духовными исканиями крымско-татарской интеллигенции. Для религиозного развития этого периода характерно то, что исламские объединения поставлены в жёсткие рамки российского законодательства и религиозной политики властей, которая ориентирована на поддержку двух конкурирующих между собой духовных управлений мусульман. Ислам в лице Духовного управления мусульман Крыма проходит становление в диалоге или противостоянии суфизму и салафизму, а также крымско-татарскому национальному движению, как оппозиционному по отношению к России, так и лояльному ей.*

***Ключевые слова:** национальное самоопределение, религиозная идентификация, ислам, мусульманское мировоззрение, религиозная политика, суфизм, салафизм, национализм, российско-украинский кризис, религиозное законодательство.*

После распада Советского Союза ислам на Крымском полуострове по существу развивался с чистого листа. Несмотря на богатые исторические традиции и распространение ислама в Крыму (активная исламизация началась с XIII в.), появление мусульманской интеллигенции и просвещённого ислама на рубеже XIX–XX вв., связанного с именем идеолога джадидизма и новометодных школ Исмаила Гаспринского (Гаспарлы) (1851–1914), большевистская атеизация населения, а главное, депортация в 1944 г. народа – носителя ислама, – крымских татар, – не только прервали, но и почти уничтожили исламскую традицию¹.

С 1991 по 2014 гг. возрождение традиционного ислама происходило в тесном взаимодействии с развитием национального движения и при одновременном росте новых миссионерских движений, представители которых приезжали на полуостров из арабских стран и из Турции². Законодательство Украины не ограничивало деятельность ни официально признанного Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), ни отдельных групп и течений. Само Духовное управление мусульман позиционировало себя в качестве носителя «традицион-

© Лункин Роман Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, зам. главного редактора журнала «Современная Европа». Адрес: РФ, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: romanlunkin@gmail.com

¹ Булатов А. Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности. Россия и мусульманский мир. 2013; 4 (250). С. 51-74; Бекирова Э.Ш., Халилев Р.А. Ислам в Крыму: современное состояние и перспективы развития. Проблеми сучасної педагогічної освіти. Педагогіка і психологія. 2013. Вип. 40(1). С. 285-289. Ислам в истории и культуре Крыма: учебное пособие для учителей общеобразовательных школ / Н. Абдульвапов [и др.]; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского (ТНУ), РВУЗ Крымский инженерно-педагогический ун-т (КИПУ), Духовное управление мусульман Крыма. – Симферополь: Таврида, 2013. 388 с.

² О начальном этапе развития ислама: Муратова Э. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. – Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2008.

ного ислама», но терпимого к различным проявлениям салафизма в общинах. Конфликты у «традиционных» мусульман возникали в основном с последователями движения «Хизб-ут-Тахрир» (деятельность этой организации запрещена на территории РФ как экстремистской решением Верховного суда от 14 февраля 2003 г.). Наряду с этим, первоочередными задачами крымско-татарского народа в лице Меджлиса, оказывавшего влияние на ДУМК, было приобретение политического влияния и экономическое обустройство в Крыму («самозахваты» и узаконивание земель). Интересы самой сильной части крымско-татарского движения в лице лидеров Меджлиса фактически подменяли собой интересы и задачи Духовного управления мусульман (в прессе его часто называли «карманным Муфтиятом» или «отделом при Меджлисе»). В результате, по признанию многих представителей крымской интеллигенции, полноценного национального возрождения после возвращения народа не произошло, религиозное развитие не было столь активным и ислам, как и во многих регионах постсоветского пространства, остался почти исключительно частью культурной самоидентификации народа¹. По существу различные исламские инициативы стали бурно развиваться лишь со второй половины 2000-х гг.

Сохранение народа после переселения на Родину в постсоветский период стало приоритетными для национального движения (Курултая и Меджлиса крымско-татарского народа). Меджлис был образован в 1991 г., Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК) было создано следом – в 1992 г. При этом национальное движение смотрело на религиозных лидеров как на подчинённую себе силу, а ислам рассматривался только в контексте крымско-татарского вопроса в Украине.

Стоит отметить, что национальное движение не было монолитным в украинский период, и ассоциировать его полностью с Меджлисом, а тем более с его лидерами, неправильно. Существуют (как и при Украине) пророссийские движения крымских татар (Милли Фирка, «Единство Крыма»), возникло новое движение «Крым» под эгидой местных властей, куда входят и бывшие члены Меджлиса. Ещё в украинский период звучала эмоциональная и резкая критика в адрес Меджлиса из среды самих крымских татар – обвинения в коррупции и сговоре с местной властью, бездействие по вопросам оформления земли для крымских татар на полуострове, статуса народа и его автономии (одним из оппонентов Меджлиса был Руслан Бальбек, ныне депутат Госдумы РФ от Крыма). Это позволяет сделать вывод, что не только новое поколение крымско-татарских политиков, но и руководство ДУМК были если не рады уходу старых авторитарных лидеров, то по крайней мере, готовы использовать новые возможности после того, как Меджлис прекратил своё существование (об этом говорят и столкновения муфтия Аблаева и Чубарова в прессе и лично – в Анкаре в августе 2015 г., когда Чубаров

¹ Как отмечает Эльмира Муратова, «Большинство крымских татар – так называемые «светские» мусульмане. Ислам для них – это часть историко-культурной традиции народа, он присутствует в национальных обрядах и традициях. Поэтому, с их точки зрения, его нужно возрождать, но только в тех формах и в тех объёмах, которые «вписываются» в национальную культуру. Всё, что помимо этого, воспринимается как приносное, чуждое, вредное. Обязательные исламские нормы (намаз, пост, закят и др.) практикует небольшая часть крымско-татарского сообщества». «Межконфессиональный диалог в Крыму состоялся». Владимир Корягин. 09.04.2014. Gazeta.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5985353.shtml (дата обращения: 16.08.2017).

и Ленур Ислямов пытались помешать встрече с муфтием с министром по делам религии Турции и угрожали ему, удерживая в гостинице¹).

В настоящее время ДУМК находится на определённой дистанции с Меджлисом в силу риторики его лидеров, которые называют предателями тех, кто остался в Крыму. Тем более, муфтият официально осудил действия и заявления Чубарова и Джемилева, и делает это периодически, в том числе на международных площадках (зам. муфтия Айдер Исмаилов выступал в ОБСЕ в октябре 2016 г.). Однако со старейшинами Меджлиса в ДУМК стараются не ссориться.

По существу, довольно сложно отделить национальную идеологию ДУМК от идеологии лидеров Меджлиса на Украине (различаются лишь методы и острота высказываний). Более того, именно радикализм киевского Меджлиса делает ДУМ Крыма столь приемлемым для властей центром национального самосознания крымских татар.

Российские власти сделали ставку на отношения с Духовным управлением мусульман Крыма и Севастополя (ДУМК) и его руководством (муфтием с 1992 по 1999 г. был Нури Мустафаев, с 1999 г. поныне – член Меджлиса муфтий Эмиралли Аблаев). В украинский период в ДУМК входило около 350 объединений, которые зарегистрировали свои уставы или же были зарегистрированы как организации. В Крыму около 300 мечетей с минаретами и молельных домов. Центральное медресе действует в посёлке Азовском, Джанкойского района. В 2014–2016 гг., по сведениям ДУМК, прошло (или проходит) перерегистрацию почти 200 общин, но другие также собираются регистрироваться.

Фактически в украинский период в Крыму было около тысячи мусульманских общин, но для российского законодательства большинство из них являются религиозными группами, которые действуют без регистрации (основной формой существования общин по законодательству РФ является зарегистрированное «религиозное объединение»). Численность зарегистрированных общин на 2017 г. по-прежнему не отражает реальное число мусульманских общин². Исламское среднеспециальное образование верующие получают в медресе в Джанкое – оно мужское и женское. В республике 15 крымско-татарских школ, где изучается крымско-татарский язык и основы ислама.

Ценой, которую ДУМК заплатила за сохранение своего политического значения, как основного мусульманского объединения Крыма, стала частичная потеря спонсоров (прежде всего, турецких) и жёсткий контроль специальных служб за любыми финансовыми потоками и образовательными проектами. ДУМК лишилась молодёжного движения, практически все инициативы и проекты были прекращены и закрыты под давлением правоохранительных органов, в том числе в рамках профилактики возможных проявлений экстремизма на религиозной почве. Любое социальное служение или культурные акции стали невозможны без согласования с правоохранительными органами, что остановило всю общественную работу ДУМК в

¹ Глава Меджлиса и муфтий Крыма изложили свои версии «скандальной» встречи в Анкаре. 25 августа 2015 г., Крым. Реалии. URL: <http://ru.krymr.com/a/news/27215985.html> (дата доступа: 02.11.2017).

² На 17.01.2017 по сведениям Информационного портала Минюста РФ (в разделе «Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях») в Республике Крым зарегистрировано всего 166 мусульманских организаций (151 обозначены как общины ДУМК), а в Севастополе 6 (все зарегистрированы в рамках ДУМК).

переходный период 2014–2016 гг. и отпугнуло большое количество активной молодёжи. Как отмечает Айдер Исмаилов¹, после 2014 г. большинство именно молодёжных общин не прошло перерегистрацию. В основном из-за того, что они попали под подозрение властей, стали подвергаться проверкам. Часть активистов уехала из Крыма самостоятельно, либо вынуждена была это сделать, так как их могли обвинить, к примеру, в участии в запрещённом в России движении «Хизб-ут-Тахрир».

Как отмечают в ДУМК, на местах остался старый контингент чиновников, поэтому всё приходится продавливать и лавировать. Но глава республики Сергей Аксёнов также курирует вопрос строительства соборной мечети. При Украине процесс выделения земли для мечети занял 8 лет. Городские власти не хотели оформлять землю в собственность, из-за чего ДУМК за неё судилось, дойдя до Верховного суда Украины. Только под давлением главы республики Василия Джарты удалось провести через городской совет решение оформить землю – в 2011 г. Однако строительство началось только в 2014 г. после того, как президент Путин взял под свой патронаж соборную мечеть – подобно тому, как и собор Александра Невского Симферопольской епархии УПЦ МП, построенный в центре города при его поддержке. В Ялте 17 августа 2014 г. проходила встреча президента В.В. Путина с культурными и религиозными деятелями Крыма, среди них был и муфтий Аблаев, который попросил президента о помощи. В 2016 г. был также освящён отреставрированный молельный комплекс «Сеит-Сеттар». Всего в Симферополе около 18 мечетей. В главной, где располагается ДУМК, – собирается до 500 человек прихожан.

В соответствии с принятой на федеральном уровне практикой поддержания баланса между конкурирующими муфтиятами в Крыму в конце августа 2014 г. была предпринята попытка создания альтернативного по отношению к ДУМК – Таврического муфтията (ТМ, муфтий – Руслан Саитвалиев, председатель – Энвер Ахтемов²), который, между тем, до сих остаётся незарегистрированным. По мнению организаторов, он должен был продолжать традиции одноимённого муфтията, существовавшего до 1917 г. Он вошёл в Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) во главе с муфтием Талгатом Таджуддином (муфтий отвергал своё участие в его создании). С 2016 г. Таврический Муфтият также начал поддерживать контакты с Духовным собранием мусульман России Альбира Крганова (который, впрочем, встречался и с руководством ДУМК).

Существование Таврического муфтията (ЦДУМ-ТМ) стало, по мнению многих экспертов, опрошенных в ходе полевых исследований, предметом торга и скрытого шантажа между властью и ДУМК. По требованию ДУМК и в обмен на лояльность по отношению к властям, Таврический муфтият не был зарегистрирован как региональное объединение, хотя фактически он существует. В 2015 г. была зарегистрирована община Таврического муфтията в Евпатории в одной из самых больших исторических мечетей полуострова – Хан-Джами. По признанию лидеров этой мечети (в интервью автору), власти и ДУМК побоялись применять си-

¹ Полевой материал автора (ПМА). Дата проведения исследования: 2-9 октября 2016 г. В феврале 2016 г. автор также брал интервью у Айдера Исмаилова.

² Полевой материал автора (ПМА). Дата проведения исследования: 2-9 октября 2016 г. Интервью с Р. Саитвалиевым и Э. Ахтемовым совместно с М.Ю. Роциным.

лу для выдворения общины, но полиция периодически проводит проверки общины. Есть также мечети ЦДУМ-ТМ в Каменке и Судаке.

В ДУМК ещё в украинский период объявили новую организацию «сектантским» образованием и причислили к «хабашизму», хотя сами лидеры и верующие Таврического муфтията не считают себя хабашитами, а причисляют себя так же, как и ДУМК, к традиционному исламу, частью которого считают суфизм. По словам Руслана Саитвалиева, верующие муфтията являются последователями суфийского шейха Абдуллы аль-Харари аль-Хабаша (1910–2008), родившегося в мусульманском городе Хараре в Эфиопии. Именно от части его имени и было образовано наименование «хабашиты», которое в муфтияте считают «ярлыком», специально используемым представителями ДУМК для того, чтобы представить их «сектантами».

Глава Таврического муфтията Руслан Саитвалиев закончил в Киеве Исламский университет Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ). Он придерживается шафиитского мазхаба, но при этом с уважением относится к ханафитским взглядам большинства крымских татар. Возрождение в Крыму «традиционного ислама»¹ в Таврическом муфтияте понимают достаточно широко – это, прежде всего, опора на исторические традиции, посещение могил предков, проведение молитвенных собраний с песнопениями – маулидами («мевлюды» в крымско-татарском произношении) самих по себе и зикров с проповедями и пением маулидов.

Руслан Саитвалиев считает, что сегодня посредническая организация между крымскими татарами и властными органами не нужна. Главной целью должно быть противодействие экстремистским организациям, прежде всего, «Хизб ут-Тахрир». Кроме того, шейх Руслан полагает: «У нас в Крыму бардак. Например, открыто действует объединение «Созидание (Ар-Райд)», которое является ширмой для братьев-мусульман. Ваххабитов надо изолировать, если их нельзя исправить»².

Участие и поддержку со стороны российских властей не отрицают в самом Таврическом муфтияте, где подчёркивают лояльность России и поддерживают курс РФ на борьбу с любыми проявлениями ваххабизма и полный запрет этой идеологии, что соответствует официальному курсу федеральных властей.

После событий 2014 г. в Крыму продолжился процесс формирования мусульманской крымско-татарской интеллигенции, а также своей версии (или нескольких версий) «традиционного ислама», осмысления наследия крымско-татарского просветителя начала XX в. Исмаила Гаспринского.

¹ Под крымско-татарским исламом автор понимает всё многообразие мусульманских движений и организаций на территории Крыма, как зарегистрированных, так и незарегистрированных.

² На зикре, который также удалось посетить автору статьи (вместе с исламоведом М.Ю. Роциным), в резиденции Таврического муфтията было много молодёжи, в том числе школьников, всего – примерно 30-40 человек. Молитвы произносятся по-арабски, религиозные гимны (нашиды) – на крымско-татарском. Молодые проповедники с богословским образованием выступают по-русски.

Список литературы

Астахова Л.С. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2013. – №3(31). – С. 162-177.

Булатов А. Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности // Россия и мусульманский мир. – 2013. – 4(250). – С. 51-74.

Бекирова Э.Ш., Халилев Р.А. Ислам в Крыму: современное состояние и перспективы развития // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Педагогіка і психологія. – 2013. – 40(1). – С. 285-289.

Клиффорд Г. Интерпретация культур. Культурология. XX век. Пер. с англ.; науч. ред. Елфимов А.Л., Матешук А.В. – М., 2004. – 560 с.

Ислам в истории и культуре Крыма: учебное пособие для учителей общеобразовательных школ. Н. Абдульвапов [и др.]. – Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского (ТНУ), РВУЗ Крымский инженерно-педагогический ун-т (КИПУ), Духовное управление мусульман Крыма. – Симферополь: Таврида, 2013. – 388 с.

Муратова Э. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. – Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2008. – 236 с.

Муратова Э. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. – №5. – С. 163-171.

Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. – 2014. – №4(36). – С. 51-58.

Мухетдинов Д. К вопросу о российском мусульманстве // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. №4. – С. 81-90.

Uehling, Greta Lynn. Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 294.

References

Astakhova L.S. Interpretativnaya antropologiya religii Klifforda Girtsya: religioznye praktiki kak seti znacheniy [Interpretative anthropology of religion of Clifford Geertz] Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom. – 2013. – №3 (31). - S. 162–177. (InRuss.).

Bulatov A. Islam v Krymu: ot tragicheskogo proshlogo k problemam sovremennosti [Islam in Crimea: from the tragic past to the present problems] Rossiya i musul'manskiy mir. – 2013. – 4(250). – С. 51-74. (InRuss.).

Bekirova E.Sh., Khalilev R.A. Islam v Krymu: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Islam in Crimea: the present condition and the perspective of the development] Problemi suchasnoї pedagogichnoї osviti. Pedagogika i psikhologiya. – 2013. – 40(1). – С. 285-289.

Clifford G. Interpretatsiya kul'tur. Kul'turologiya. XX vek. [The Interpretation of cultures. Culturology. XX cent. Translated from English. Edited by Elfimov A.L., Matashuk A.V.] – М., 2004. – 560 с. (InRuss.).

Islam v istorii i kul'ture Kryma: uchebnoe posobie dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh shkol. N. Abdul'vapov [i dr.]. – Tavricheskiy nats. un-t im. V.I. Vernadskogo (TNU), RVUZ Krymskiy inzhenerno-pedagogicheskiy un-t (KIPU), Dukhovnoe upravlenie musul'man Kryma. [Islam in

the history and in the culture of Crimea: the handbook for the teachers and the schools. Publishers: Tavricheskiy state university, Crimean engineer-pedagogical university, Spiritual board of Muslims] – Simferopol': Tavrida, 2013. – 388 с. (InRuss.).

Muratova E. Islam v sovremennom Krymu: indikatory i problemy protsessy vozrozhdeniya [Islam in the present Crimea: the indicators and the problems of the revival processes] – Simferopol': ChP «El'in'o», 2008. – 236 с. (InRuss.).

Muratova E. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh [The muslims of Crimea in the new political realities] Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. – №5. – S. 163-171. (InRuss.).

Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona [The Crimea: the muslim community in the context of the common progress of the region] Islam v sovremennom mire. – 2014. – № 4(36). – С. 51-58. (InRuss.).

Mukhetdinov D. K voprosu o rossiyskom musul'manstve [To the question on the Russian muslimism] Islam v sovremennom mire. – 2015. – Т. 11. №4. – С. 81-90. (InRuss.).

Uehling, Greta Lynn. Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 294 p.

Islam among Crimean Tatars: the features of the ethno-confessional situation

Author. Lunkin R. Senior fellow in the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, the head of the Center for Religious Studies in the Institute of Europe, deputy editor-in-chief of the journal «Contemporary Europe». **Address:** 11-3 Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com/

Abstract. In the article the author analyzed the cultural and social-political role of the Islam and religious policy of local authorities in Crimea considering religious diversity of the peninsula and political conditions after March 2014 when Russia took control over the territory of Crimea during the Russian-Ukrainian crisis (Ukraine and Parliament Assembly of the Council of Europe as well as USA and many other countries define the transition of Crimea to Russia as annexation act). The article based on the field sociological research of the religious life that the author held in Crimea in 2016. The expert interviews grounded in the social-anthropological approach that based on using methods of the holding of the open interviews or conversations with the respondents. The author makes a conclusion that after 2014 began a new period of the development of Islam and new national self-determination of Crimean Tatars on the peninsula connected with the self-determination of the national Islam as well as with the spiritual searches of the Crimean Tatars intelligentsia. Religious progress at that period determined by the dialogue or countering with the sufists, salafists and with representatives of the national movement that are opposite or loyal to Russia. So far as radical elements of Muslim ummah (prohibited in Russia movement «Khizb-ut-Takhrir») left the peninsula the most influential Spiritual association of Muslims of Crimea have to prove its loyalty to the Russian authorities that began to provide the policy of supporting of two competing organizations.

Key words: national self-determination, religious identification, Islam, Muslim worldview, religious policy, Sufism, Salafism, nationalism, Russian-Ukrainian crisis, religious legislation.